

НОМОТЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФИИ ДОСОКРАТИКОВ

Ю.А. Лобода

Древнегреческая философия, являясь традиционным центром исследовательского интереса историков философии, остается участником диалога современных философов с классическим наследием. В частности, К.Р. Поппер, декларируя призыв «Назад, к досократикам!» предлагает актуализировать в современной философии ориентиры, характерные для Ионийской школы философии. Его привлекает простая рациональность досократиков, простота и смелость их вопросов, критичность в исследованиях. Поппер отмечает, что, подобно досократикам, философия должна задавать общие вопросы, возвратиться к космологии и теории познания.

Вопросы, на которые пытались ответить досократики, были в первую очередь космологическими вопросами, но они также относились к теории познания. Я убежден, что философия должна вернуться к космологии и простой теории познания. Существует по крайней мере одна проблема, в которой заинтересованы все мыслящие люди: проблема понимания мира, в котором мы живем, включая нас самих, и знания об этом мире [...]. Для меня философия, также как и наука, теряет свою притягательность, когда они теряют свое направление — когда они становятся специализациями и сужают свое видение настолько, что уже не замечают загадок нашего мира. Специализация может быть огромным соблазном для ученого. Для философа это — смертный грех [7, с. 1-2].

При этом Поппер говорит не о реценциях досократической философии, имплицитно подразумевающих определенного рода интерпретацию (как в случае, например, М. Хайдеггера и метафизики досократиков), напротив, он предлагает прислушаться непосредственно к

словам самих древних философов, не заменяя их смысла какими-либо современными интерпретациями. Призывая философов к «исследованию космологии» Поппер предлагает вернуться к рассмотрению действительности, а не вопросов, генерируемых самой философией.

К названным Поппером характеристикам ранней античной философии следует добавить еще один существенный аспект, а именно — направленность досократиков на исследование законов, которую, пользуясь терминологией XX века, можно назвать «номотетичностью». Именно эта характеристика наиболее полно охватывает исследование каузальных связей элементов действительности, присущее досократикам, и предполагает поиск закономерно повторяющихся фактов, знания о которых позволяют прогнозировать события в будущем, т. е. открытие законов действительности, обладающих характеристиками истинности, универсальности, простоты, постоянства, всеобщности.

Естествоиспытателя как ученого никогда не интересует отдельный случай сам по себе, во всей его неповторимости, — он стремится к обобщающему описанию природы (такому подходу Виндельбанд дал название «номотетического» [...]). Любой отдельный случай в принципе может быть (а в качестве факта, подлежащего исследованию, и должен быть) логически выведен из теории или (что по сути то же самое) может быть представлен как пример закона [3, с. 9].

Если вернуться к «официальному» началу философии, то на примере сохранившихся фрагментов высказываний Фалеса Милетского можно заключить, что исследования ранних греческих философов характеризовались некоторыми особенностями, которые в совокупности и определяют номотетический способ познания.

- (1) *Направленность познания на явления природы*: «[Фалес] по словам некоторых, первым стал рассуждать о природе» [4, с. 100].
- (2) *Универсальность полученных знаний*, которые относились ко всем явлениям без исключения. Квантор общности был наиболее популярным у досократиков: «Все из воды, говорит он, и в воду все разлагается» [4, с. 109]. Уже Аристотель разглядел в этом не легендарную мудрость, а научную универсальность: «это проявление смекалки в искусстве обогащения, которое приписывают Фалесу из-за его мудрости, тогда как на самом деле оно имеет универсальный смысл» [4, с. 107].

- (3) *Установление необходимости связей природных явлений.* Согласно Фалесу, явления подчиняются необходимости: «Сильнее всего — необходимость, ибо она одолевает всех» [4, с. 103]. Осмысление необходимости на ранних этапах развития философии — одна из существеннейших причин, позволяющих говорить о разделении «мифа» и «логоса»: философы еще не начали рассуждать о «даймонионе» и «демиурге», их встреча с объективной, безличной причинностью ярка, жива, экзистенциальна.
- (4) *Прогнозирование будущего на основе открытых закономерностей.* Для досократиков философия — это исследование фактов, позволяющее познать их закономерности, чтобы на их основе сделать прогноз о будущем — о затмениях, урожае маслин и даже о поведении мула. Прогнозирование будущего, для которого не требуется Дельфийский оракул, — явный признак понимания каузальных связей, действующих повсеместно и не зависящих от человека.

В поисках всеобщих знаний, которые были бы необходимо истинными, и что немаловажно — подтверждались бы с течением времени, позволяя точно прогнозировать события, первые философы создавали не только категориальный аппарат философии, но и способ познания, который позже будет назван номотетическим. История философии свидетельствует, что исследование законов (космоса и/или общества) были приоритетом древнегреческих философов, но европейская историко-философская традиция, утвердившаяся в XVIII–XIX веках, постепенно сместила акцент на исследование различного содержания космологий первых философов и разнообразие предлагаемых ими первоэлементов, оставив практически без внимания поиски постоянства в каузальных связях, в которых участвовали рассматриваемые первоэлементы. Таким образом, присвоив проблематике исследований ранних греческих философов штамп «физиологии», историко-философская традиция оставила на обочине и практически скрыла ряд фундаментальных вопросов, которые были порождены номотетическим характером их философии.

Следует отметить, что номотетичность философии досократиков характерна не только для их космологических исследований — среди греческих философов можно найти множество философов-законотворцев и исследователей права: Солон, Хилон, Питтак, Архелай, Аристипп, Критон, Симон, Фалес, Анаксимандр, Менедем, Спевсипп

и многие другие [1]. Со временем смешение двух сфер исследования — природы и общества, попытка распространения номотетических характеристик, полученных в результате анализа природных закономерностей, на явления общественные, порождает ряд вопросов. Имеют ли абстракции, относящиеся к материальному миру статус, равный статусу понятий, относящихся, например, к нравственности? Одинакова ли процедура их определения? Можно ли утверждать, что существует проблема неоправданного перенесения особенностей понятий, образованных путем наблюдения за природой, на явления, от них отличающихся (нравственность)? Придает ли такой перенос, если он наблюдается, аподиктический статус вероятностным понятиям? Фундаментальная проблема, возникающая вследствие постановки названных вопросов, относится не только к философии как академической дисциплине, но и к философии как способности мыслить общими понятиями.

Таким образом, особенности ранней философской мысли сразу же создали проблему для дальнейшего развития философии: новый вид знания, изначально направленный на познание и прояснение, невольно послужил предпосылкой для его же затемнения при попытке перенесения на другую сферу исследования.

Смена объекта исследования — человек вместо космоса — должна была сопровождаться и сменой познавательного инструментария: философия отныне должна была признать, что оперирует не только общими понятиями, которые отражают четкие причинно-следственные связи, повторяющиеся закономерные процессы, но также исследует такие реалии человеческой природы, которые можно назвать вероятностными — душа, нравственные добродетели, политические категории. Можно признать, что формально эти два типа понятий равноправны — это обобщения, имеющие одинаковую структуру, выведенные путем наблюдения за действительностью (природой и человеком). Но на этом сходство «естественнонаучных» и «антропоцентрических» понятий заканчивается. Действительно, Сократ, пытаясь найти причины человеческих поступков, приходил только к вероятностному знанию, что отразилось в неопределенности его дефиниций, в то время как «физиологи» находили всеобщие причинно-следственные отношения, с необходимостью отражающие законы природы.

Смешение двух подходов — вероятностного и номотетического — и, как следствие, придание аподиктического статуса вероятностным понятиям, не может не привести к знаковым последствиям. Антропоцентричные философемы, как правило, ошибочны в своих прогнозах и оценках, примером чему служит легендарная поездка Платона в Си-

ракузы и его же идеализация Спарты, которая в 371 г. до н. э. была побеждена фиванцами при Левктрах и утратила свое величие, хотя была, согласно Платону, образцом идеального государства. Гегелевская фраза «тем хуже для фактов» (цит. по: [5, с. 31]) очень хорошо отражает отношение философов к результатам применения разработанных ими вероятностных понятий в надежде на прогнозируемые результаты и неприятие того, что вымышленная реальность не соответствует действительности.

Смена исследовательских интересов философии после «антропоцентрической революции» Сократа от космологии к антропологии и далее к идеализму Платона — это не только перемена в содержании философских исследований, это еще и фундаментальный сдвиг в методологии философского исследования, отразившегося не только на философии как способе познания, но и на культуре мышления в целом. Этот сдвиг отразился и в практике дефиниций Платона — вместо самих дефиниций нам предлагают подумать о дефинициях, например о прекрасном («Гишпий Большой»), где Сократ в результате анализа этого понятия приходит к заключению, что «прекрасное — сложно». На фоне практических результатов «физиологов» этот тезис выглядит крайне неопределенно и уклончиво, что, конечно же, не умаляет ценности процедуры самого анализа этого понятия в данном диалоге.

Однако важно другое: с Сократом и Платоном происходит легитимизация проблематики, фундаментально отличной от интересов их предшественников. Вся «моральная философия» Гераклита сводилась к порицанию его земляков; Демокрит же просто смеялся над их деяниями; но начиная с Сократа понятие «справедливость» как категория морального сознания (а не принцип сохранения материи, как у Анаксимандра) становится равноправным в ряду понятий, относящихся к космогонии. Безусловно, «справедливость» и «первоначало» — понятия трудно определяемые, но, кроме того, они описывают различные явления — вероятностный, относительный мир взаимоотношений между людьми и неизменно повторяющиеся явления материального мира.

В частности, проблема состоит в том, что множество философских обобщений, возникающих в результате перенесения закономерностей, полученных при исследовании природы, на социальные, человеческие, утрачивают свой номотетический характер, в большинстве своем оказываясь лишь вероятностными. В условиях, когда понятия, описывающие явления, принадлежащие различным сферам, имеют одинаковый статус — статус абстракций, риск переноса специфики одного множества понятий на другое становится существенным, что и служит при-

чиной затруднений и ошибок, формирующих определенный способ познания и отражающихся на языковом уровне.

Современная философия, как способность мыслить общими понятиями, также не избежала указанного затруднения. К примеру, в социальной сфере философы чаще всего оперируют обобщениями, говоря о «структуре общества», «социальных связях», «иерархичности и стратификации общества» и т. д., но намного реже вспоминают о варианте, что «общества как такового не существует, есть только мужчины и женщины, и еще есть семьи» [8]. Огромное количество маркетинговых, политологических, социологических, психологических, экономических прогнозов оказываются ложными далеко не в последнюю очередь из-за смешения эпистемологических статусов общих понятий, когда понятию из «идеографической» сферы приписывают свойства сферы номотетической, тщетно пытаясь дожидаться прогнозируемого эффекта в ситуациях, которые имеют слишком высокую степень свободы, чтобы быть прогнозируемыми в принципе.

Таким образом, возникает проблема прояснения эпистемологических статусов общих понятий в различных сферах философских исследований, на разрешение которой претендует аналитическая философия, провозгласившая максимуму «Философия — это способ прояснения мыслей» (Ф.П. Рамсей). Одним из способов преодоления проблем, возникающих вследствие смешения общих понятий, в аналитической философии выступает анализ языка. В «Манифесте» Венского кружка идет речь о языковых корнях метафизических проблем:

В метафизических теориях, уже в самих постановках вопросов содержатся две коренные логические ошибки: первая — слишком сильная привязанность к форме традиционных языков, другая — неведение относительно логических способностей мышления. В обыденном языке одна и та же словесная форма, например, существительное, используется как для обозначения вещей («яблоко»), так и свойств («твердость»), отношений («дружба»), процессов («сон»); вследствие этого возникает соблазн вещественного истолкования функциональных понятий (гипостазирование, субстантивирование). Можно привести многочисленные похожие примеры того, как язык вводит нас в заблуждения, которые были точно так же губительны для философии [2, с. 18].

Этот тезис коррелирует и с философско-лингвистическим анализом языка Огдена и Ричардса о способности языка скорее к потенциальному введению в заблуждение, чем прояснению мыслей [6].

Аналитическая философия, поставив своей целью «прояснение мыслей» посредством анализа языка, затрагивает фундаментальную

проблему различения способов познания, появившихся в древнегреческой философии. Более пристальный анализ методологии теории познания первых философов может позволить выявить причины познавательных и языковых затруднений, важных не только для философии как формы познания, но и для абстрактного познания в целом. История философии способна раскрыть более глубокие корни проблематики соотношения языка и мышления, в который раз актуализированные в начале XX века: исследование истоков философского знания может оказаться более значимым, чем собственно историко-философское исследование, ставящее своей целью описание и систематизацию содержания философских учений прошлого.

Литература

- [1] *Диоген* Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М. : Мысль, 1986.
- [2] *Карнап Р.*, Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // *Логос*. — 2005. — № 2 (47). — С. 13-26.
- [3] *Рижкерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. — М. : Республика, 1998.
- [4] *Фрагменты* ранних греческих философов. Часть 1 / Под ред. А.В. Лебедева. — М. : Наука, 1989.
- [5] *Adorno T.* Hegel. Three Studies. — Cambridge, MA ; London : MIT Press, 1993.
- [6] *Ogden C.K.*, Richards I.A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and Of the Science of Symbolism. — N.-Y. : Harvest Book, 1946.
- [7] *Popper K.R.* Back to the Pre-Socratics: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. — Vol. 59. — 1958–1959. — С. 1-24.
- [8] *Thatcher M.* Interview for Woman's Own («no such thing as society») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106689>

Надійшла до редакції 12 березня 2014 р.